

Шалва Гацерелия: «Нужны новаторские формы»

Театр и зритель — две половины, не могущие существовать друг без друга. Театр теряет зрителя: сегодня это почти аксиома. Что это? Трагедия непонятого театра или результат зрительской пресыщенности! Во всяком случае — это факт, над которым приходится задумываться. Чаще — самому театру, реже — приходящим (или не приходящим) в полупустые залы театрам.

Наш разговор с художественным руководителем бывшего грузинского ТЮЗа (сейчас в одном театре сосуществуют два) Шалвой Гацерелия неизбежно коснулся и этого наиболее актуального вопроса, ведь молодежная аудитория — чуткий барометр зрительского интереса.

— Нам известно, что ТЮЗ как изжившая себя театральная форма перестал существовать. Возникло два театра. Как складывается их жизнь?

— Мы разделились, но пока только формально. Теперь в одном здании находятся Республиканский государственный Центральный детский театр, главным режиссером которого стал Тамаз Машки, и Тбилисский государственный экспериментальный театр, которым руковожу я, являясь в то же время художественным руководителем обоих театров.

В конце января будущего года мы собирались открыть детский театр, но пока эти планы далеки от осуществления — большие сложности с помещением. По постановлению Совета Министров Грузии нам передано здание Дома

офицеров, однако ни у Министерства культуры, ни у театра соответствующих документов на передачу здания пока нет. Кроме того, оно совершенно не приспособлено для театра и требует серьезной реконструкции. Кто, когда и на какие средства начнет эту реконструкцию, в нынешней ситуации абсолютно не ясно.

Но и существование двух разных театров в одном здании, которое к тому же изза ведомственной волокиты до сих пор не наше, невозможно. В такой обстановке трудно создать необходимую для восприятия спектакля атмосферу, а ведь без определенного настроения, внутренней подготовки ребенка не произойдет контакта театра со зрителем. Дети чувствуют, что пришли в клуб, а не в театр, к тому же для многих спектаклей клубные стены просто губительны.

— Не кажется ли вам, что проблема лежит глубже. В нашем городе совершенно отсутствует или находится в зачаточном состоянии студийное движение. А ведь зрительский интерес (причем именно молодежной аудитории) к такого рода театрам-студиям, к

необычным театральным формам, которые они предлагают, повсеместно достаточно высок. В чем тут дело?

— Падение интереса к театру — это явление, я бы сказал, мировое. Экспериментируют все, но это не приносит желаемых результатов — театр по-прежнему теряет зрителя. Кроме того, у нас все еще сказывается привычка к дидактике в искусстве, к навязыванию рецептов, как жить или как решить ту или иную проблему. Подчас этого ждет от нас и зритель. А ведь театр, как и любое искусство, не должен решать проблемы, он может их только ставить. Безусловно и то, что нужны новаторские формы в театральном искусстве, и счастлива будет та, кому удастся их создать.

Однако не до жиру, быть бы живу. Дело в том, что все свои планы мы не сможем осуществить без решения проблемы помещения. И лучшие спектакли прежних лет нам не удастся сохранить в репертуаре по той же причине. Декорации и реквизит требуют определенных условий хранения, а если нет не только условий, но и самого помещения, то мы вынуждены с течением времени просто уничтожать старые декорации, чтобы как-то разместить новые...

Впрочем, со всем этим зритель не обязан считаться.

Елена ЧЕРНЯЕВА.